

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Вступительная статья Д. С. Лихачева

*Составление и подготовка текстов
Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева*

*Примечания
О. В. Творогова и Л. А. Дмитриев*

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА

О «Слове о полку Игореве» существует огромная литература. И тем не менее, приступая к статье о нем, всегда есть возможность сказать что-то иное — не то, что уже писалось. Этот памятник вечно свеж. Каждая эпоха находит в нем новое и свое. Это предназначение подлинных произведений искусства: они говорят новое новому, и они всегда современны.

1

Период феодальной раздробленности нес в себе трагедию личности, принужденной следовать губительной для Руси новой системе. Это была трагедия лучших представителей феодального класса — трагедия конфликта между их благими субъективными намерениями и печальными для народа последствиями, к которым эти намерения приводили.

Князья воевали друг с другом. В каждом отдельном случае им казалось, что они воюют за справедливость, за восстановление попрачных прав — своих или близких им князей. Они воевали за соблюдение принципов, казавшихся им незыблемыми и законными. На деле же они разоряли страну, города, села, «несли рѣзно» Русскую землю. Они призывали себе на помощь половцев, которые были одновременно и постоянными союзниками и постоянными злейшими врагами Руси. Князьям казалось, что их благие цели оправдывают любые средства. На деле же оказывалось, что цель оставалась все равно недостигнутой, а «средства» приводили к наихудшим из возможных результатов. Призванные на Русь половцы не столько помогали восстановить справедливость, сколько грабили, разживались

добычей, забирали пленников и, скорые на призыв, медленно и нехотя, отягощенные захваченным добром, уходили к родным кочевьям.

Справедливость манила князей. Казалось, вот-вот она будет восстановлена, но братоубийственные войны за нее приводили к новым, еще худшим несправедливостям. И чем ближе иногда казалось ее достижение, тем дальше на самом деле она оказывалась в действительности.

В чем же состояли эти идеи справедливости, под знаком восстановления которых прошла одна из самых кровавых эпох русской истории — эпоха феодальной раздробленности?

Начавшееся еще в X веке феодальное дробление Руси было связано со стремлением каждой экономически развивающейся области Руси утвердить свою самостоятельность. Страна переживала быстрый экономический и политический рост своих княжеств при недостаточности их экономических и политических связей между собой. Князь и церковь пытались восполнить слабость экономических и политических связей созданием союзов, взаимными умиротворениями и крестоцелованиями, призывами к соблюдению единства, идейной и литературной пропагандой необходимости единения и твердой обороны Руси.

Конец XI и начало XII века отмечены полосой княжеских съездов. На съезде в Любече князья торжественно провозглашают основной принцип княжеского управления Русской землей: «каждо да держит отчину свою», то есть «пусть каждый владеет княжеством отцов». Во имя соблюдения этого принципа тотчас же началась волна новых кровавых преступлений князей и междоусобных войн. В эти войны был втянут и самый совестливый князь древней Руси — Владимир Мономах.

Мономах был деятельным сторонником того политического принципа феодальной раздробленности, во имя которого велись в это время все феодальные войны: «каждо да держит отчину свою». Пропаганде этого принципа он посвящает все свои сочинения, ради его утверждения он поддерживает культ братьев-мучеников Бориса и Глеба, погибших от руки своего старшего брата Святополка, ради него он поощряет летописание, литературную деятельность монастырей, стремится личным примером заставить князей не только воевать за него, но и великодушно отказываться от завоеванного.

В своеобразном собрании сочинений Мономаха, донесенном до нас Лаврентьевской летописью, включены его «Поучение» к братии, летопись его походов и охот, письмо Мономаха к его врагу Олегу Святославичу и сочиненная Мономахом молитва о целостности Русской земли. Из этих сочинений Мономаха особенно поразительно

письмо его к Олегу Святославичу — Гориславичу «Слова о полку Игореве». Мономах наголову разбил своего заклятого врага и убийцу своего любимого сына Изяслава, изгнал его за пределы Русской земли, и вот, вместо того чтобы торжествовать победу и насладиться местью, он пишет этому врагу и убийце письмо, от начала и до конца выдержанное в тоне примирения. Он не только прощает Олегу смерть любимого сына, — он предлагает ему вернуться в Русскую землю и принять в управление полагающуюся ему «отчину». Это письмо поразительно! Оно свидетельствует о высокой этической культуре не только Мономаха, но и его времени. Во имя верности вновь провозглашенному принципу справедливости («каждо да держит отчину свою») Мономах смиренно склоняется перед побежденным им врагом.

Совесть государственного деятеля, совесть князя, который воочию убеждается, что его деятельность приводит к результатам, противоположным тем, к которым он стремится, — это то самое, что бросило и героя «Слова о полку Игореве», князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича в его безумно смелый поход. С небольшим русским войском Игорь пошел навстречу верному поражению во имя служения Русской земле, побуждаемый к тому своей проснувшейся совестью одного из самых беспокойных и задиристых князей своего времени. Трагичность этого похода и привлекла, очевидно, к нему внимание автора «Слова о полку Игореве».

Обстоятельства, побудившие Игоря Святославича выступить в поход, были следующие.

С 70-х годов XII века половцы усиливают нажим на южные и юго-восточные окраины Руси. Страх, который внушили половцам своими глубокими степными походами Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий, прошел. Половцы снова тревожат Русь непрерывными набегами. Начинается, по выражению летописца, «рать без перерыва».

Натиск половцев разбивается об ответные походы русских, однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Кончак пытается отомстить киевским князьям за поражения своего деда — Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 году, и своего отца — хана Отрока, изгнанного Мономахом из Половецкой земли в «Обезы» (в Абхазию). Половецкие войска получают единую организацию и хорошее вооружение. В их армии появляются и «греческий огонь», которым стрелял какой-то «бесурманин» (магометанин), и огромные, передвигавшиеся «на возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых едва натягивало болсе 50 человек.

Разъединенные раздорами русские княжества лицом к лицу столкнулись с сильным и, главное, единым войском кочевников. Под влиянием этой половецкой опасности (как впоследствии под влиянием опасности татарской) зреют идеи необходимости единения, находящие себе отчасти выражение и в реальной политической жизни, несмотря на почти полную утрату единства экономических интересов, поддерживавших когда-то — в XI веке — объединительную политику Киева. Идси эти находят теперь деятельную поддержку в среде князей. Действительно, в 80-х годах XII века делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей.

Сами ольговичи на время рвут со своей традиционной политикой союза со степью; порывает с ней и герой «Слова о полку Игореве» — «ольгович» Игорь Святославич Новгород-Северский. Вначале Игорь — типичный ольгович в своей политической деятельности. Он выступает и против половцев (как в 1174 году), и в союзе с половцами. Он принимает деятельное участие в феодальных усобицах и, казалось, мало заботится о защите Русской земли от ее исконных врагов. Еще в 1180 году половцы деятельно помогают Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе с его союзниками-половцами, Игорь Святославич едва спасся в лодке вместе со своим будущим злейшим врагом, а пока что союзником, ханом Кончаком, успев уплыть от преследования киевского князя на Городец к Чернигову. Характерно, что поражение Игоря Святославича и всех ольговичей киевский летописец рассматривает как поражение половцев: «И тако поможе бог Руси, и возвратишася во свояси, и приемше от бога на поганья победу» (Ипатьевская летопись под 1180 г.).

Рюрик Ростиславич был незаурядный политик; это был деятельный и умный князь, оказывавший покровительство летописанию и искусствам. Одержав победу над ольговичами, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. По-видимому, он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великом княжении Киевском главу ольговичей — Святослава Всеволодовича, а себе взял все остальные города Киевской области. Благодаря этому он держал Святослава в подчинении, а через Святослава мог оказывать влияние и на всех остальных ольговичей, находившихся в вассальной зависимости от Святослава. Вместе с тем Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем догадываться: по-видимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. Во всяком случае в ближайшие годы Рюрику и Святославу удастся широко организо-

вать союзные отношения русских князей в отпор усилившемуся нажиму степи.

Политика главы ольговичей Святослава сказалась и на политике Игоря Святославича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своими прежними союзниками. Он становится их яростным противником.

Несмотря на то, что политика ольговичей претерпела резкие изменения еще с самого начала 80-х годов, Игорю Святославичу не сразу пришлось участвовать в походе против своего бывшего союзника — Кончака. В 1184 году объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Захвачены были военные машины, отбиты пленные, попал в плен сам хан Кобяк и «бесурменин», стрелявший «живым огнем». Половцы были утрашены, и опасность, казалось бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич не смог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подоспеть вовремя. Когда Игорь, несмотря ни на что, хотел все же идти на соединение с Святославом Всеволодовичем, дружина сказала ему: «Княже! потьскы (по-птичьи) не можешь перелетети; се приехал к тебе мужь от Святослава в четверг, а сам идти в неделю (в воскресенье) ис Киева, то како можеш, княже, постигнути?»

По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу: ему не удалось участвовать в победе, ему не удалось доказать своей преданности союзу русских князей против половцев. Больше того: его могли подозревать в умышленном уклонении от участия в походе против своего бывшего союзника Кончака. Вот почему в следующем, 1185 году Игорь, очертя голову, «не сдержав юности», бросается в поход против половцев.

Окрыленный предшествующими победами Святослава, он ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу (Гориславичу); он решает дойти до берегов Черного моря, почти сто лет закрытого уже для Руси половцами. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. В этой сложной подоплеке — черты особого трагизма несчастного похода Игоря Святославича, — трагизма, приковавшего к нему внимание не только автора «Слова», но и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести — самые обширные и, может

быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

Представим себе обстановку этого похода. Огромная, бескрайняя, поросшая буйной весенней травой дикая степь. Бесконечные отлогие спуски к далеким рекам. Скрытые от глаз кустарники и рощи по оврагам. Со всех сторон опасность: степь принадлежит тем, кто в ней кочует, кто идет весной с юга от зимовий на богатые северные пастбища и на села и города русских, чтобы захватить детей, женщин, мужчин, поживиться золотом, мехами, тканями, оружием. Степняки объединены, сплочены, у них быстрые кони. Воюя, они движутся всем народом: их жены и дети в походных войлочных домах на телегах. Это страшный враг, ужас и проклятие Руси.

Медленно движется в этой «незнаемой стране», в «диком поле» небольшое войско новгород-северского князя Игоря Святославича и его немногих союзников. Они идут уже давно, идут навстречу врагу. Это небольшой движущийся островок Русской земли¹. Со всех сторон — с фронта, с флангов и с тыла — войско окружено таинственной и враждебной неизвестностью. Высылаемая вперед разведка не может принести надежных вестей о передвижениях быстрого степного врага. Каждый день пути увеличивает опасность.

Воины помнят о грозном предзнаменовании — солнечном затмении 1 мая, застигшем их в самом начале похода у берегов Оскола. Увидев затмение и тьму, прикрывшую его воинов, Игорь Святославич сказал тогда боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Те опустили головы и сказали: «Княже! се есть не добро знамение се». Игорь ответил: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не весть, а знамению творец бог и всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видити». Иными словами: мы сами увидим нашу судьбу, и нечего о ней думать раньше времени.

Войско идет, сопровождаемое зловещим вниманием хищников, следующих по пятам за войском и ждущих добычи на полях будущих сражений. Люди и звери, ожидающие их гибели, идут вместе всё дальше на юг. Во время почевок многим не спится. Короткие переходы от дня к ночи и от ночи к утру кажутся томительно длинными. Долго догорают зори. Долго стихает ночной щеко́т соловьев, за ним просыпается утренний говор галок. В темноте и опасности слух обостряется до крайности. Кажется, слышен скрип половецких телег,двигающихся навстречу русским.

¹ Русской землей в те времена называли не только Русскую страну, но и русский народ, русское войско.

Когда высланная вперед разведка донесла, что захватить половцев врасплох не удалось, что половцы вооружены и готовы к бою, Игорь не поворотил коней и не стал уверять своих воинов в близкой победе. Он сказал: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пуще и смерти, — но како ны бог дасть». Перед первой битвой Игорь снова обратился к своим войскам с кратким словом: «Братья, сего есмы искале, а потягнемь». Поразительно, что Игорь ничего не сулит своим воинам и не ободряет их призраком победы. Он только обращается к их чувству чести, к их чувству долга и мужеству. Когда после первой легкой победы над передовыми отрядами половцев небольшое русское войско вскоре увидело, что оно собрало против себя «всю Половецкую землю», что оно окружено, что половецкие полки наступают со всех сторон «как борове» (подобно лесу), и русские князья не знали — кому куда выступать со своими полками, Игорь снова ободрил своих: «Се ведающе собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурлиовича, и Токсобица, и Колобича, и Етебича, и Терьтробича». Иными словами: мы знали, что делали, выступая в поход.

Чувство чести диктует и тактику боя. В войске Игоря были не только профессиональные воины-дружинники, но и крестьянское ополчение — «черные люди». Первые были на конях, вторые — пешие. Игорь приказал дружине спешиться, чтобы сражаться всем вместе, не опережая друг друга. Речь Игоря напоминает речи Владимира Мономаха своею заботой о черных людях. Он сказал: «Оже погибнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на единомь месте».

Наконец, в последнем акте развернувшейся трагедии, когда русские потерпели страшное поражение и раненный в руку Игорь был схвачен и связан, он мужественно принял вину на себя и в тяжелом раздумье о судьбах своего народа каялся в преступлениях, совершенных им против простых крестьян во время междоусобных войн. Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений. Его покаянные речи к самому себе ужасны. Он вспоминает, сколько убийств сотворил он в своих междоусобных войнах с другими русскими князьями, сколько пролил крови невинных, когда взял приступом Переяславль у князя Глеба Святославича, сколько тогда горя приняли люди, как дети были разлучены с отцами, брат с братом, друг с другом, дочери с матерями, подруги с подругами. «Помянух аз грехы своя пред господем богом моим, яко много убийство, кровопролитье створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадох хрестьян, но взях на

щит (т. е. приступом) город Глебов у Переяславля; тогда бо немало зло подъяша безвиннии хрестъани, отлучаеми отець от роженый (т. е. детей) своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружнй своих, и дщери от материй своих, и подруга от подругы своея, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшую, живнии мертвым завидять, а мертвнии радовахуся, аки мученици святен огнемь от жизни сея искушение приемши, старци поревахуться, уюты (юноши) же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресекаеми и разскаеми бывають, жены же оскверняеми; и та вся сотворив аз, рече Игорь: недостойно ми бшеть жити; и се ныне вижю отместье от Господа Бога моего». Ставя в непосредственную связь нынешнее свое поражение с междоусобицами прошлого, Игорь так вспоминал потери в битве: «Где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения моего? где бояре думающей, где мужи храборьствующей, где ряд польчнй? где кони и оружья многоценьная?» Вторично кается Игорь, находясь в плену у своего бывшего союзника — хана Кончака.

Игорь был глубоко прав, объясняя свое поражение от половцев своими предшествующими междоусобными войнами с другими русскими князьями. Русским князьям не хватало единства в борьбе с врагом, они выступали против степи с немногими разрозненными силами. Враждовавшие между собой князья не могли сопротивляться страшному врагу Руси, объединившемуся тогда под властью хана Кончака.

Если бы была написана история совести, то покаяние Игоря нашло бы в ней свое большое место — наряду с покаянным письмом Мономаха своему врагу Олегу Святославичу.

Пленение Игоря было началом еще бóльших мук совести. Поражение Игоря возвратило его к прежнему союзнику — хану Кончаку и к прежним отношениям с половцами. Кончак поручился за Игоря тут же — на поле битвы. Игоря в плену окружают почести. Вокруг него — не то стража, не то слуги. К нему приставили пятнадцать сыновей лучших половецких людей и пять «господичичев». С ним было пять или шесть русских слуг, они ездили с ним на ястребиную охоту. Сторожа слушали Игоря и воздавали ему честь. Из Руси пригласили и попа «со святою службою». Сын Игоря женился на дочери Кончака. Враг стал сватом. . .

Только бегство из плена, «неславный путь» мог избавить Игоря от этого позорного почета. Об этом бегстве молит окружающую природу и его жена — Ярославна. Ярославна в «Слове о полку Игореве» — воплощение семьи, мира, языческого слияния с природой. Игорь бежит из плена, он возвращается не к войне, хотя она и не

заказана ему, а к миру, к Ярославле, к «странам» и «городам», радующимся его возвращению. Вслед за ним через некоторое время возвращается на родину и его сын Владимир с женой и прижитым в плену ребенком.

Есть в жизни Игоря еще одна неясная фигура, которая мелькает и в летописи, и в «Слове», но и тут и там остается загадочной, — это Овлур, или Лавор, как его еще называют: половец, помогший Игорю бежать из плена и сам вместе с ним ушедший из родных мест на Русь. Хочется поразмыслить над тем, что заставило его совершить этот поступок. Будем думать, что причиной тому была не корысть. О нем с уважением говорит и летопись, и «Слово». Не часто простой человек упоминается на страницах летописи, а простой половец — это едва ли не единственный случай. А если не корысть, то что же? Овлур не был ровней Игорю. Дружба с Овлуром не была поэтому для Игоря изменой, такой изменой, какой явилась его дружба с ханом Кончаком. И здесь необходимо еще вспомнить об изменившемся у Игоря отношении к простым людям. Мы помним, что во время сражения с половцами, когда последние окружили войско Игоря и Игорь должен был выбирать между спасением прорывом и общей гибелью вместе, Игорь избрал последнее: он приказал спешиться своей дружине, чтобы не покинуть пешее ополчение из смердов. Благородство не позволило ему бросить смердов в сражении. Схваченный, он кается в своих грехах и снова думает о простых жителях города Глебова, которым он причинил зло. Не эта ли переоценка своего отношения к простым людям привлекла к нему и Овлура?

Если Игорь был так же страстен в своем новом отношении к простым людям, как и в желании искупить свою вину перед родиной, то мы можем понять, почему Овлур так привязался к нему, что решил даже спасти его из плена и уйти с ним вместе на Русь.

Овлур и Игорь вместе скрывались в зарослях, вместе охотились. Князь и простой человек, русский и половец, один — бегущий на родину и другой — убегающий на чужбину! Одиночество всего войска в степи сменилось слиянием и единением с природой двух действительно одиноких людей, бегущих вместе. Победила идея. Поражение Игоря обернулось победой новой идеи. . .

2

Есть что-то общее в этом мужественном, прямом взгляде Игоря на свою прошлую деятельность и на действительность, о котором мы узнаем из летописей, с мужественностью и прямоотой лучшего древ-

нерусского произведения, созданного об этом походе, — «Слова о полку Игореве».

В самом деле, величайшая патриотическая поэма древней Руси посвящена не одной из побед, которых немало знало русское оружие, а страшному поражению, в котором впервые за всю русскую историю князь оказался пленным, а войско почти совсем уничтоженным! Автор «Слова» смотрит в глаза опасности, смотрит в лицо суровой действительности, видит перед собой всю Русь, страдающую от вековых усобиц князей и опустошительных набегов половцев. Внутренне осуждает он и своего любимого героя Игоря Святославича.

Не случайно поводом для призыва князей к единению взято в «Слове» поражение русских князей. Тема поражения органически связана с темой призыва исправиться и постоять за Русскую землю. Вспомним церковные поучения XI—XIII веков. Они произносились в связи с общественными несчастьями — нашествиями иноплеменников, землетрясениями, недородами. Начиная от «Поучения о казнях божиих», помещенного в летописи под 1067 годом, и кончая поучениями Серапиона Владимирского — все призывы церковных проповедников строились на материале общественных несчастий. Не только церковные проповедники, но и летописцы стремились высказать хотя бы несколько слов поучения по поводу того или иного поражения русских войск, разорения городов и сел половцами, а впоследствии татарами, голода, недорода, пожара и т. д. Типична самая форма этих поучений: если они коротки — это восклицания, напоминающие авторские отступления в «Слове о полку Игореве» («О, горе и тоска!», «тоска и туга!»; «О, велика скорбь бяше в людех!» и т. д.); если они пространны — это лирические призывы к современникам исправиться, стать на путь покаяния, активно сопротивляться злу. Общественные несчастья становились нравоучительной основой и для житийной литературы. Убийство Бориса и Глеба, убийство Игоря Ольговича служили исходной темой для проповеди братолюбия, княжеского единения и княжеского послушания старшему.

Характерно, что не только церковная, но и чисто светская литература, светское правоучение, политическая агитация находили себе повод в политических несчастиях. Поражение обычно служило в древней Руси стимулом для подъема общественного самосознания, для начала новых действий, реформ, введения новых установлений. Это была до известной степени реакция здорового, полного сил общественного организма, признак его жизнеспособности и уверенности в своем будущем. Вспомним всю реформаторскую деятельность Вла-

димира Мономаха. Он стремился использовать уроки неурядиц и поражений для новых и новых обращений к русским князьям. Замечательно при этом, что проповедь политического единения, призывы к исправлению нравов или к новым военным действиям против врагов опирались на события только что совершившиеся, которые еще живо ощущались, не остыли, были перед глазами у всех, были полны эмоциональной силы. Этим во много раз увеличивалась действенность проповеди. В древней литературе XI—XIII веков почти нет случая, чтобы основной нравоучительный толчок давался событием далекого прошлого. Нравоучение могло широко использовать воспоминания о прошлом (особенно, когда нужно было сравнить печальное настоящее с цветущим прошлым, как например в «Слове о погибели Русской земли»), но тем не менее поводом для написания нравоучения прошлое не служило. Литературная тенденция была остро современна.

Почти все произведения древней русской литературы, посвященные историческим событиям, избирают эти события из живой современности, описывают события только что случившиеся. События далекого прошлого служат основанием только для новых компиляций, для новых редакций старых произведений, для сводов — летописных и хронографических. Вот почему самые события, изображенные в «Слове», служат до известной степени основанием для датировки «Слова», тем более для произведения столь агитационного, как «Слово». Тема поражения как основа для поучения, для призыва к единению может быть избрана только в произведении, составленном тотчас же после этого поражения.

«Слово» посвящено теме защиты родины, оно лирично, исполнено тоски и скорби, гневного возмущения и страстного призыва. Оно эпично и лирично одновременно. Автор постоянно вмешивается в ход событий, о которых рассказывает. Он прерывает самого себя восклицаниями тоски и горя, как бы хочет остановить тревожный ход событий, сравнивает прошлое с настоящим, призывает князей-современников к активным действиям против врагов родины.

Совершенно прав И. П. Еремин, когда пишет, что автор «Слова» «действительно заполняет собою все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе. Именно он, «автор», вносит в «Слово» и ту лирическую стихию, и тот горячий общественно-политический пафос, которые так характерны для этого произведения»¹. Те же черты мы

¹ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, с. 111.

найдем во всех исторических повестях древней Руси, но особенно характерны они для XII и XIII веков — для «Слова о погибели Русской земли», для «Повести о разорении Рязани Батыем», для повестей о битве на Калке, о взятии Владимира татарами, и многих других.

И. П. Еремин справедливо отмечает в «Слове о полку Игореве» многие присмы ораторского искусства. Это еще не служит, как мне кажется, доказательством принадлежности «Слова» к жанру ораторских произведений, но это ярко свидетельствует о пронизывающей «Слово» стихии устной речи. Эта стихия устной речи вообще характерна для древнерусской литературы, как бы еще не освободившейся от традиций устных художественных произведений, от традиций речевых выступлений¹ и церковной проповеди, но вместе с тем теснейшим образом связана с той лирической стихией, о которой говорилось выше. Через ораторские обращения и ораторские восклицания передавалось авторское отношение к событиям, изображаемым в рассказе. Перед нами в «Слове», как и во многих других произведениях древней Руси, — рассказ, в котором автор чаще ощущает себя говорящим, чем пишущим; тех, к кому он обращается, — слушателями, а не читателями; свою тему — темой поучения, а не рассказа.

Автор «Слова» обращается к своим князьям-современникам и в целом и по отдельности. По именам он обращается к двенадцати князьям, но в число его воображаемых слушателей входят все русские князья и больше того — все его современники вообще. Это лирический призыв, широкая эпическая тема, разрешаемая лирически. Образ автора-наставника, образ читателей-слушателей, тема произведения, средства убеждения — все это как нельзя более характерно для древней русской литературы в целом. Автор «Слова» обращается ко всем русским князьям поочередно, как бы призывая их к ответу и требовательно напоминая им об их долге перед родиной. Он зовет их защитить Русскую землю, «загородить полю ворота» своими острыми стрелами. И поэтому, хотя автор и пишет о поражении, в «Слове» нет и тени уныния. «Слово» так же лаконично и немногословно, как обращения Игоря к своей дружине. Это зов перед боем. Вся поэма как бы обращена к будущему, пронизана заботой об этом будущем. Поэма о победе была бы поэмой торжества и радости. Победа — это конец сражения, поражение же для автора «Слова» — это только начало битвы. Битва со степным

¹ См.: Д. С. Лихачев. Устные истоки поэтической системы «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. М.—Л., 1950.

врагом еще не кончилась. Поражение должно объединить русских. Не к пиру торжества зовет автор «Слова», а к пиру-битве.

Написать такой призыв имело смысл только вскоре после событий, под непосредственным впечатлением поражения. Есть многие признаки, указывающие на то, что «Слово» написано участником похода, очевидцем пленения Игоря и его бегства. Действительно, есть большое различие в том, как описывает автор те события, участником и свидетелем которых он мог быть, и те, которые сохранились только в исторической памяти или отделены от автора большим расстоянием. Первые описываются динамично, эмоционально, с сильными художественными деталями. Вторые запечатлены по законам средневекового изобразительного искусства — в статических, выразительных положениях — как бы на клеймах некоего большого изображения. Каждый из князей, к которому обращается автор «Слова» с призывом выступить за Русскую землю, изображен в зрительно четком образе, в церемониальном положении, совершающим великие дела.

Ярослав Осмомысл Галицкий высоко сидит на своем златокованом престоле, подпирая Угорские горы своими железными полками и меча тяжести через облака.

Всеволод Большое Гнездо так могуч, что может Волгу веслами раскропить, а Дон шлемами вылить. Он стреляет по суше живыми шереширами — удалыми сынами Владимира Глебовича.

Роман и Мстислав парят соколами, готовые одолеть врагов.

В образе шестокрыльцев-соколов предстают перед читателем и Ингварь с Всеволодом и все три Мстиславичи.

Всеслав Полоцкий представлен в виде «лютого зверя» — быстрого волка, перебегающего за одну ночь огромные пространства Руси.

Боян изображен играющим на струнном инструменте, напускающим свои персты на живые струны, как десять соколов на стаю лебедей.

Далекое время Олега Гориславича представлены в образе опустелой пашни, на которой редко пахари покрикивали и только вороны каркали, деля между собой трупы.

Даже горе, испытанное Русской землей в результате поражения, предстает в легко воспринимаемом, зрительно простом образе Девы Обиды, плещущей на море лебедиными крылами.

Искусство создания лаконичных зрительных образов изумительно. Его можно сравнить разве только со столь же лаконичным искусством иконописи XII века. Каждому историческому лицу, каждому событию прошлого дана характеристика — краткая и простая, как геральдический знак. Эти характеристики как бы выхвачены из

премени, из длительности, они застыли в статической выразительности.

Совсем иначе рассказан в «Слове» сам поход Игоря Святославича, битва, бегство Игоря из плена. Здесь события длительны до томительности и сопряжены с тяжелыми душевными переживаниями действующих лиц и самого автора. Автор «Слова» говорит о внутреннем состоянии Игоря, передает его слова, его обращения к воинам. Автор страдает за судьбу русского войска. Поход Игоря получает у него отклик в степной природе, и это делает его еще более драматичным и эмоциональным. Автор предается тяжелым думам, описывая и первые успехи и последующее поражение русских. Судьбе русских сочувствует вся природа. Автор как бы забегаает вперед, предчувствует будущее, обращается к истории, он размышляет, волнуется. Для его стиля характерны восклицания, как бы вырвавшиеся неволью, лирическая непоследовательность, незавершенность некоторых описаний. Он то спешит со своим рассказом, не останавливаясь на отдельных событиях, то привлекает внимание к деталям, которые делают всю нарисованную картину особенно выразительной. Характерно в этом отношении описание бегства Игоря из плена. Игорь и Овлур здесь одни, наедине с природой. Мы слышим и ночной свист Овлура за рекой, подающего знак к бегству, и топот копей, и шум степной травы. Дон лелеет Игоря на своих волнах, постилает ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одсвает его теплыми туманами ночью, стережет его от врагов чуткими к приближению человека чайками на струях, чернядьми на ветрах. Когда Гзак с Кончаком погнались за Игорем, сороки не троскотали, вороны не граяли и галки молчали, чтобы не выдать Игоря, только змеи ползали в тишине. А дятлы тектом своим указывали Игорю путь к глубоким зарослям у реки, где он мог укрыться от погони.

Авторы древнерусских литературных произведений обычно не скрывают своих намерений. Они ведут свое повествование для определенной цели, которую прямо сообщают читателю. Авторская тенденция по большей части явна и только в редких случаях скрыта за авторским изложением (в некоторых случаях так скрывалась, например в летописи, политическая тенденция). Это стремление открыто проводить определенную идею в своих произведениях отразилось, в частности, в описаниях природы.

Древняя русская литература чаще рассказывает, чем описывает. Она чаще изображает события, чем состояния. Она не отвлекает явления от их отношения к главной цели повествования, не интересуется явлениями самими по себе, независимо от их отношения к человеку. Она антропоцентрична. Поэтому древняя русская лите-

ратура знает очень мало описаний того, что находится в статическом состоянии, — того, что не связано непосредственно с событиями или нуждами человека.

Так, например, древняя русская литература редко описывает памятники архитектуры, а если и делает это, то только для того, чтобы прославить князя-строителя или пожалеть об утраченной красоте погибшего памятника. Так же точно и в описаниях природы. По существу, объективного, самоустраненного описания природы, статического литературного пейзажа, статической картины природы древняя русская литература не знает. В этом одно из коренных отличий отношения к природе древней русской литературы от новой.

В отличие от большинства древнерусских литературных произведений, природа в «Слове о полку Игореве» занимает исключительно большое место, но если мы присмотримся к системе ее изображения, то заметим ее безусловную связь со своей эпохой. Природа в «Слове» описывается только в ее изменениях, в ее отношениях к человеку, она включена в самый ход событий, в «Слове» нет статического литературного пейзажа, типичного для литературы нового времени. Природа участвует в событиях, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активно воздействует на людей, и описания ее явлений окрашены сильным лирическим чувством. Она выступает с предзнаменованиями. Кроме предзнаменования «астрономического» — солнечного затмения, в «Слове» представлены предзнаменования по поведению зверей и птиц, в существовании которых в древней Руси нет основания сомневаться (вспомним, как по вою волков в «Сказании о Мамаевом побоище» Дмитрий Волынец гадал о русской победе и слышит ночью «гуси и лебеди крыльми плещуще»).

Выступает природа и в поэтических параллелях к событиям человеческой жизни. Параллель битва — гроза, которая имеется в «Повести временных лет» под 1024 годом в описании Ливенской битвы, развернута в «Слове» с особенной подробностью. Нельзя думать, что в описании Ливенской битвы гроза — исторический факт, а в «Слове» — поэтическая параллель к битве. Факт и поэтическая параллель не обязательно должны были противостоять друг другу. Во время Ливенской битвы гроза несомненно была, но ее упоминание было бы совершенно необязательно в летописи, если бы летописцу она не показалась художественно примечательной для описания битвы. Так же точно, если бы гроза и на самом деле была во время первой битвы с половцами Игоря Святославича, это не умалило бы поэтичности параллели. Так же и сравнение людей с птицами и зверями — типичная черта средневековой литературы.

Таким образом, природа в «Слове о полку Игореве» изображается так, как это было принято в средневековой литературе. Она действует или «аккомпанирует» действию людей, она динамична, «события» природы параллельны событиям людской жизни. Статического литературного пейзажа, типичного для нового времени, «Слово» не знает.

3

Художественная система «Слова» вся построена на контрастах. Один из самых острых контрастов, пронизывающих все «Слово», — это контраст книжных элементов стиля с народно-поэтическими. Элементы книжные и устные, переплетаясь, создают своеобразие и разнообразие стиля этого небольшого, но исключительно богатого по форме и содержанию произведения.

В «Слове» можно заметить многочисленные связи с современными ему произведениями переводной и оригинальной книжности ломонгольского времени. Отдельные образы «Слова» близки к образам летописи, «Слова о погибели Русской земли», проповедей Кирилла Туровского, переводных Хроник Манассии и Георгия Амартола, к «Повести о разорении Иерусалима» и к «Девгениеву Деянию». Так, например, начальные размышления автора «Слова» о том, какой избрать стиль для описания событий, и самое обращение к певцу — своему предшественнику — имеют многочисленные аналогии в оригинальной русской и в переводной литературе.

Во вступительной части «Слова на Фомину неделю» Кирилл Туровский, прежде чем приступить к теме своего повествования, выражает свои колебания, как и автор «Слова о полку Игореве»: «Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни умом, не имуще огня святаго духа на слажение душеполезных словес; обаче любьве деля суцая со мною братья мало нечто скажем о поновьленьи въскресе-ния Христова»¹. Замечательно, что перед нами в этих колебаниях не простое проявление авторской скромности, но и мысль о том, каким должен быть подлинный «сказатель», который бы украсил своею речью праздник — тему «слова» Кирилла.

Во вступительной части слова Кирилла «О слепце и о зависти» Кирилл подчеркивает, что он «творит» свою «повесть» словами Иоанна Богослова: «Нъ не от своего сердца сия изношу словеса —

¹ См.: И. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. 13, М.—Л., 1957, с. 415.

в души бо грешне ни дело добро, ни слово пользно ражається, — нъ творим повесть, възсмлюще от святаго Евангелія, почтенаго нам ныня от Иоана Феолога, самовидця Христовых чудес»¹. Во вступительной части «Слова на собор 318 отец» Кирилл выбирает задачу повествования, указывая, что его задача сходна с той, которую себе ставят летописцы и песнотворцы: «Яко же историци и ветня, рекше летописьци и песнотворци, прикланяють своя слухи к бывшая межю цесари рати и възълчєния, да украсять словесы и възвеличатъ мужьствовавъшая крепко по своемь цесари и не давьших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчають, колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбром и великим воеводам божиям»². Замечательно, что в этом вступлении есть даже лексические совпадения со вступлением к «Слову»: «песнотворци», «лепо» и др.

Наиболее странной особенностью вступления к «Слову о полку Игореве» всегда представляется обращение автора к своему предшественнику — Бояну. Но в «Слове на вознесение» у Кирилла есть и такое именно обращение к предшественнику. Кирилл, прося пророка Захарию прийти к нему на помощь и дать «начаток слову», обращает внимание на его немногосказательную, но прямую речь: «Приди ныня духомь, священный пророче Захария, пачаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа! Не бо притчею, нъ яве показал еси нам, глаголя: „Се бог нашъ грядеть в славе, от брани опълчєния своего, и вси святини его с нимь, и станета ноге его на горе Елеоньстей, пряму Иерусалиму на възток. Хошем бо и прочее от тебе уведати“»³.

Из приведенных примеров, взятых только из одного автора XII века — Кирилла Туровского, видно, что все основные элементы введения к «Слову о полку Игореве» не составляют новшества: колебания в выборе стиля, обращение к предшественнику, противопоставление «притчей» («по замышлению») — рассказу, «яве» показывающему (т. е. «по былинам сего времени»), и пр. Единственно чем введение к «Слову» выделяется среди всех приведенных введений, это своим светским характером. Соответственно этому свои нюансы имеют и авторские колебания, и самый выбор предшественника, к которому обращено введение, — не библейский пророк Захарий, а светский певец Боян.

¹ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. 15, М.—Л., 1958, с. 336.

² Там же, с. 344.

³ Там же, с. 340.

Отмечено было также сходство между вступлением к «Слову» и вступлением к Хронике Манассии и к той ее части, которая описывает Троянскую войну¹. В предисловии к Хронике автор ее говорит, что он будет вести свое повествование «древняя словеса». В предисловии к Троянской войне автор пишет: «Сия аз възхотев брань с'писати якоже писавшими прежде пишет ся». Он просит прощения («прощенна прося»), что будет говорить другими словами, чем Гомер («глаголати не якоже Омир с'писует»), и т. д.

Книжного происхождения выражение «старые словесы» или образ «мысленного древа», выражения «истягнуть ум крепостию своею» и «поострить сердце свое мужеством», «свивать славу оба полы сего времени» и «летать умом под облаками».

Типичной для средневековой русской литературы следует признать также особого рода конкретизацию абстрактных понятий в метафорических выражениях: «уже бо беды его пасет птиць по дублю», «слава на суд приведе», «уже пустыни силу прикрыла», «Игорь и Всеволод уже лжу убудиста», «уже снесся хула на хвалу», «уже тресну нужда на волю», «веселие пониче», «тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи», «въстала обида в силах Дажьбожа внука», а также «истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством», «жалость ему знамение заступи», «скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени» и др.

Такую же своеобразную конкретизацию мы найдем в житийной и учительной литературе, в посланиях и у Даниила Заточника: «огнь искушает злато и сребро, а человек умом лъжу отсекает от истины» («Житие Константина Философа»); «вострубим, братие, яко во златокованныя трубы, в разум ума своего» («Молсние Даниила Заточника»); «веде, яко не разумеши, яко по божию благодати ум твой быстро летаетъ» («Послание Никыфора, митр. киевского, к великому князю Володимиру, сыну Всеволожю, сына Ярославля», в списке XVI века Московской Синодальной библиотеки); «аще кто слеп есть разумомь, ли хром невериемь, ли сух мнзех безаконий отчаяниемь, ли расслабен еретичьскимь учениемь — всех вода крещения съдравы творить» (Кирилл Туровский, «Слово о расслабленном»); «богохульная словеса акы стрелы к камени пуцающе съламахуся» (Кирилл Туровский, «Слово о расслабленном»); «окованы

¹ См.: R. Jakobson. L'authenticité du Slovo. — La Geste du Prince Igor. New York, 1948, pp. 292—293; R. Jakobson. The puzzles of the Igor' Tale. — Speculum, vol. XXVII. Cambridge Massachusetts, 1952, January, pp. 62—63.

пищетою и железомъ» (Кирилл Туровский, «Слово на вознесение»); «взъдем крест свой претерпением всякой обиды; распнемъся браньми к греху» (Кирилл Туровский, «Слово в неделю цветную») и т. д.

Метафорическую конкретизацию абстрактных понятий мы встречаем в самых различных жанрах: в летописи в описании взятия татарами Судомира говорится об одном из жителей его — простом поляке, что он «защитився *отчаянием* акы твердым щитом», совершил подвиг, достойный памяти (Ипат. лет. под 1259 г.); в учительной проповеди в «Слове о ленивых» говорится о ленивом, что ленивого *беда* по голням биет, а *долг* взашен пихает; *недостатки* у него в дому сидят, а *раны* ему по плечам лежат; *уныние* у него на главе, а *посмех* на браде; *помысл* на устех, а *скорбя* на зубех; *горесть* на языке, *печаль* в гортани» и т. д.

Если мы обратимся к конкретизации абстрактных понятий в литературе нового времени и, в частности, в литературе второй половины XVIII века, то там мы встретимся с конкретизацией совсем другого характера. Там авторы по большей части создают аллегории. Здесь же конкретизация носит весьма специфический и, я бы сказал, однообразный характер. Она по большей части лишена описательности. Абстрактное понятие попросту вводится в конкретное действие. Оно чаще всего «материализуется» с помощью глагола, означающего какие-либо действия: «вострубим в разум ума», «окочеваны нищетою», «тоска разлилася» и т. д. Иногда оно конкретизируется с помощью эпитета. Ближе к этой конкретизации стоит одушевление неодушевленных предметов и придание им абстрактных значений: «живые камни» (ср. в «Слове» — «живыми шереширь стреляти»), «умная гора» (ср. в «Слове» — «скача, славию, по мыслену древу»).

Меньше всего в «Слове» той христианской символики, которая столь типична для церковно-учительной литературы. Здесь, конечно, сказан светский характер памятника. Эту церковную символику можно усматривать только в образе «мысленного древа», по которому растекалась мысль Бояна.

Широко представлена в «Слове» и феодальная символика. В военно-дружинной среде определенное символическое значение имели меч (символ войны), стяг, копьё, стремя. Выражение «вступить в стремя» означало выступить в поход, «поизить стяг» означало признать себя побежденным, «испить шлемом воды» из какой-либо реки значило покорить земли на ее берегах, и мн. др.

Но больше всего в «Слове» образов народно-поэтических. Народны в «Слове» образы дерева, приклоняющегося до земли от горя, никнущей от жалости травы, сравнения битвы с пиром, с жат-

вой. Близок к народному плачу плач Ярославны. В народных плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны. Сон Святослава полон народных поэтических символов. Описание бегства Игоря из плена содержит сказочные мотивы: в сказках нередко герой, спасающийся от преследующего его колдуна, так же обращается в животных. Подобно Игорю, обернувшись соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, — в былине о Волхе Всеславьевиче последний, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для своей дружины. Воспитание курских дружинников напоминает воспитание того же Волха Всеславьевича. Народеп и образ «Девы Обиды», встречающийся в устной поэзии. Народного богатыря напоминает Всеволод Буй Тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их племы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод Буй Тур сражается с врагами и куда поскачет, там лежат поганые головы половецкие.

Народная стихия в «Слове» выражается в излюбленных народной поэзией отрицательных метафорах («Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью рускихъ сыновъ»), в фольклорных эпитетах (чистое поле, острые мечи, каленые стрелы, синее море, черный ворон, красные девы), в некоторых гиперболах, сравнениях и т. д.

Соединение письменной, литературной традиции и народной, устной делает «Слово» особенно богатым, сложным, многогранным.

4

Стихия народной поэзии органически связана в «Слове о полку Игореве» с пережитками в нем древнерусского язычества.

Языческие элементы в «Слове о полку Игореве» выступают, как известно, очень сильно. Это обстоятельство всегда привлекало внимание исследователей. Большинство исследователей объясняли это фольклорностью «Слова», другие в последнее время видели в этом характерное явление общеевропейского возрождения язычества в XII веке¹.

¹ Аналогичное древнерусскому возрождение язычества в XII в. в Западной Европе отмечает ряд исследователей (J. Seznec. *La survivance des dieux antiques*. London, 1940; J. de Vries. *De Skaldenkenningen met mythologischen inhoud*. Haarlem, 1934). Р. О. Якобсон отмечает общее условие этого «возрождения»: язычество перестало быть опасным для христианства (*The Puzzles of the Igor' Tale on the 150th anniversary of its first edition*. — *Speculum*, vol. XXVII, Cambridge Massachusetts, 1952, January, p. 57).

Действительно, «Слово о полку Игореве» выделяется среди других памятников древней русской литературы не только тем, что языческие боги упоминаются в нем относительно часто, но и отсутствием обычной для памятников древнерусской литературы враждебности к язычеству.

Тем не менее язычество «Слова» не только не противоречит нашим современным представлениям об истории русской религиозности и об отношении к язычеству в древней Руси в XII веке, но в известной мере подтверждает их. Особенное значение имеют в изучении этого вопроса две работы: Е. В. Аничкова «Язычество и древняя Русь»¹ и В. Л. Комаровича «Культ Рода и Земли в княжеской среде XII в.»².

Обратим внимание на то обстоятельство, что в «Слове» очень часто говорится о «внуках» языческих богов: Боян — «Вслесов внуче», ветры — «Стрибожи вьнуци», «жизнь Дажьбожя вьнука», «в силах Дажьбожя вьнука». А. Мазон³ считает, что перед нами в данном случае типичное псевдоклассическое клише: Боян называется внуком Велеса, подобно тому как поэты XVIII века назывались сыновьями Аполлона. Однако «сын» и «внук» — это совсем не одно и то же. «Внук» в данном случае несомненно имеет значение «потомка» (ср.: «Хамови вьнуци» — Изб. 1073 г.; «внуки святаго великаго князя Владимира князя Святослава Ольговича Черниговского» — «Повесть о разорении Рязани Батыем», и др.).

В «Слове» перед нами несомненные пережитки религии еще родового строя. Боги — это родоначальники. В. Л. Комаровичу удалось вполне убедительно показать, что культ Рода глубоко проник в сознание людей домонгольской Руси и в пережиточной форме сохранялся даже в политических представлениях и политической действительности XII—XIII веков. Культ родоначальника сказался, в частности, в элементах религиозного отношения к Олегу Вещему, воспринимавшемуся одно время как родоначальник русских князей, даже в политической системе «лествичного восхождения» князей и во многом другом.

В «Слове о полку Игореве» эти пережитки культа Рода могут быть отмечены не только в том, что люди и явления признаются потомством богов, но и в самой системе художественного обобщения

¹ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914 (главы «Два взгляда на язычество у древнерусских книжников» и «Боги в «Слове о полку Игореве» и новый взгляд древних книжников на язычество»).

² См.: ТОДРЛ, т. 16, М.—Л., 1959, с. 84—104.

³ А. М а з о н. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, с. 62.

ния. В самом деле, для чего в «Слове» даны большие отступления об Олеге Гориславиче (Святославиче) и Всеславе Полоцком? Многим из исследователей эти отступления казались совершенно непонятными: в них видели то вставки, то проявления неуместной придворной лести, разрывающей художественное единство произведения¹. На самом деле, как это можно заключить из материалов исследования В. Л. Комаровича, эти отступления закономерны: князья Ольговичи характеризуются по их родоначальнику Олегу, Всеславичи — по их родоначальнику Всеславу Полоцкому². Перед нами единое представление о взаимоотношении предков и потомков, в котором элементы культа перекрещиваются с элементами политических воззрений, быта и, как мне представляется, художественного мышления.

Как показывает Е. В. Аничков, в древней Руси существовало два взгляда на происхождение языческих богов. Согласно первому взгляду, языческие боги — это бесы. Взгляд этот опирался на Библию, высказывания апостолов и отцов церкви. Языческие боги названы бесами во Второзаконии (32₆—17), в Псалмах (105₃₇), у апостола Павла (1-е Послание Коринфянам, 10₂₀). Взгляд этот усвоен был нашей древнейшей летописью в рассказе о варягах-мучениках и о крещении Руси, в рассказе летописи под 1607 годом и т. д. Этот взгляд требовал умолчания имен богов, упоминание которых считалось греховным. Е. В. Аничков обращает внимание на учение Иисуса Навина — «не вспоминайте имени богов их» (Иисус Навин, 23₇) — и на слова псалма «не упомяну имен их устами моими» (15₄), которые объясняют нежелание древнерусских книжников называть имена древнерусских богов и даже особую формулу древнерусских поучений, отмечающих, вслед за рано переведенной в славянской письменности проповедью Ефрема Сирина против вновь впадающих в язычество, что о последнем «срам» говорить³.

Этот древнейший взгляд на язычество, как отмечает Е. В. Аничков, по мере успехов борьбы с язычеством сменяется более спокойным к нему отношением. Развивается второй взгляд на язычество: языческие боги не заключают в себе ничего сверхъестественного.

¹ А. В. Соловьев считает (Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Исторические записки, М., 1948, № 25), что часть, посвященная в «Слове» Всеславу Полоцкому, внесена автором «Слова», придворным певцом Святослава Киевского, женой — Марию Васильевну Полоцкой — правнучке Всеслава.

² См. подробнее: Д. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1958, с. 130—131.

³ См.: Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, с. 107—109.

Боги — это простые люди, которых потом обоготворило потомство. Еще в «Речи философа» в «Повести временных лет» сказано, что люди творили кумиры «во имяна мертвых человек, овем бывшим царем, другом храбрым и волъхвом, и женам прелюбоденцам».

Интересное рассуждение записано в «Повести временных лет» под 1114 годом. Там сказано, что Сварог и Дажьбог сотворены кумирами во имя «бывшего царя», Феост-Гефест — родоначальника целого поколения богов-царей. Причем характерно, что отношение к этим богам-царям вовсе не отрицательное: они одобряются за то, что установили единобрачие. Взгляд на богов как на предков отражен в «Хождении богородицы по мукам». В этом произведении говорится, в частности, о том, что нечестивцы «богы назваша» «человеческа имена» — Трояна, Хърса, Велеса, Перуна¹. По-видимому, основанием к такому взгляду на языческих богов служили не только произведения переводной литературы, но и самый характер древнерусского язычества, в котором действительно были элементы культа предков, как это блестяще показано исследованием В. Л. Комаровича и как это ясно из самого «Слова о полку Игореве» и его художественных обобщений.

Если это так и «Слово» действительно придерживалось взгляда на языческих богов не как на бесов, а как на родоначальников, то понятно его спокойное отношение к языческим богам, отсутствие боязни называть языческих богов и их своеобразное поэтическое переосмысление.

5

Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синии молнии не просто блещут — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «пикнет» («ничить»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою» и т. д. Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, то есть «лелеючи» помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей

¹ И. И. Срезневский. Древние памятники письма и языка. — ИноРЯС, т. 10, СПб., 1861—1864, с. 553.

Ярославны, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца. Персты не просто кладут на струны — их «воскладают». Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» по среди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю».

Автор «Слова» скуп на эпитеты, но зато употребленные им — метки. Сравните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь, в одиночестве на поле битвы умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря из плена: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочут славу. Искусная игра всегда производит впечатление полной непосредственности: инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Струны у него «рокочут». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева — они «выются». Телеги у него не скрипят, а «кричат» как лебеди. Кликом можно даже «персгородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят». Разнообразны звериные и птичьи звуки: соловьи «щекочут», их песни «веселые», орлы «клекчут», лисицы «брешут», волки «въсрожать», галки «говорят», кони «ржут», див «кличет», вороны «грают», туры «рыкают», сороки «втростокоташа», дятлы «тектотом» поведуют путь Игорю, ночью встает звериный «свист» (свист стальных сусликов) и т. д.

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, типичным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, наступившей в XII веке. Трава у него — «зеленая наполома». На «черленые» щиты у него «брешут» лисицы: их раздражает красный цвет. Золотой шлем Всеволода «посвечивает» в битве. Отдельные сцены автор «Слова» видит в красках. Среди добычи — всякого половецкого «узорочьа»: золота, паволок, драгих оксамитов, япончиц и кожухов — Игорю достались «чрълень стягъ, бѣла хорюговъ», «чрълена чолка, сребрено стружие». Надвигающаяся гроза перед битвой описана не менее яркими красками: «Кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя туча

съ моря идуть... а въ нихъ трепещуть синни мльнии». Зрительно эффектно образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Доща, черной земли, политой красной кровью.

Характерна очень богатая оружейная терминология «Слова», типичная для средневековой любви к оружию. Сабли в «Слове» «гремят» о шлемы, ими можно «поскенаать» оварские шлемы и «потручатъ» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам. Сабли «каленные» и «изостренные». Мечи «цвелят» Половецкую землю, ими «гремят» и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием (древком) можно «доткнутися» до престола. Стрелы бывают «каленные», «острые» и «золоченые». Они «летят», ими «прыщут» и их «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мычат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) ляцкие, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («каленные», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто, тем не менее, прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же рассеялись по полю русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Можно было бы еще много писать — об охотничьих образах «Слова», об удивительном знании его автором природы, о связях «Слова» с народной поэзией, о своеобразном характере художественного обобщения в «Слове» и т. д.

Для ритмического строя «Слова» характерно сочетание прозы с ритмически организованными строками.

Бодрый и энергичный ритм мчащихся воинов чувствуется в описании черниговских кметей:

подъ трубами повити,
подъ шелома възлелѣяны,
конецъ копия въскрѣмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача ощущается в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!

Ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему
слезъ на море рано.

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз: «ту», «уже» и пр. Достигается ритмичность и сочетаниями однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

притопта хльми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
несуши потоки и болота.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «отъ Дона и отъ моря», «въ ты рати и въ ты полкы» и т. д.

Ритм «Слова» часто меняется, близко следует смыслу, содержанию произведения. В точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

6

К какому жанру древнерусской литературы принадлежит «Слово»? Вопрос этот вызывает жаркие споры исследователей. Гипотезы сменяются гипотезами. Но ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанру и стилю «Слова». Если «Слово» — светское ораторское произведение XII века, то других светских ораторских произведений XII века пока еще не обнаружено. Если «Слово» — былина XII века, то и былины от этого времени до нас не дошло. Если это «воинская повесть», то такого рода воинских повестей мы также не знаем.

Так же сложно обстоит дело и со стилем «Слова». К какому стилю из существовавших в древнерусской литературе относится «Слово»? И здесь оно одиноко в своей необычной близости к народной поэзии. Отдельные элементы стилистического строя «Слова» могут быть обнаружены в различных памятниках древней русской литературы и русской народной поэзии, но в целом с таким преобладанием элементов народно-поэтических второго произведения такого же рода от XII—XIII веков до нас не дошло.

Итак, прямых аналогий «Слову» в жанре и в стиле мы не находим. В этом нет ничего удивительного. Русскую литературу домонгольского периода мы знаем не целиком, выборочно. В этом виноваты и специальный отбор рукописей в монастырских библиотеках, куда не попадали светские произведения, и татаро-монгольское иго, уничтожившее неисчислимые книжные богатства древней Руси. Одинокое положение «Слова» в отношении своего жанра и стиля не исключение в истории древнерусской литературы. Мы не можем найти прямых аналогий «Поучению» Владимира Мономаха, летописи его походов, его письму к Олегу Святославичу. Нет аналогий «Молению Даниила Заточника». Все эти произведения стоят не менее обособленно, чем «Слово». И эта обособленность понятна. Возможно, что очень много произведений тех же жанров просто до нас не дошло. Возможно же и другое — жанровые признаки оригинальных русских произведений еще не успели достаточно созреть.

Для «Слова о полку Игореве» несомненно имеет значение и то и другое. Но главное, может быть, даже и не в этом. «Слово» — книжное, письменное произведение, очень сильно зависящее от устной поэзии. И в литературе, и в устном творчестве существуют свои собственные жанровые системы, отнюдь не похожие друг на друга. Поскольку в «Слове» письменное произведение вступило в связь с устной поэзией и таким образом произошло столкновение жанровых систем, жанровая природа «Слова» оказалась неопределенной. В «Слове о полку Игореве», как и в «Слове о гибели Русской земли», как и в «Похвале роду рязанских князей», как и в «Похвале Роману Галицкому», мы имеем еще не сложившийся окончательно, новый для русской литературы жанр, — жанр нарождающийся, близкий к ораторским произведениям, с одной стороны, и к «плачам» и «славам» народной поэзии — с другой.

К сожалению, систематического изучения жанров древнерусской литературы, их зарождения и истории еще не проведено. Этим крайне затрудняются жанровые определения в древней русской литературе вообще. Невольно мы можем модернизировать жанровые категории, открыть в древней русской литературе такие жанры, которых в ней не существовало, упростить жанровую систему древней русской литературы и т. д.

Попытаемся все же проанализировать своеобразную «гибридность» «Слова» и прежде всего его жанровые связи с народной поэзией.

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее

всего ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове»: «плачей» и песенных прославлений — «слав», хотя далеко не ограничивается ими. Плачи и славы автор «Слова» буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоциональная противоположность дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова» и который сам по себе отделяет его от произведений устной народной словесности, где каждое произведение подчинено в основном одному жанру и одному настроению.

Плачи автор «Слова» упоминает не менее пяти раз: плач Ярославны, плач жен русских воинов, павших в походе Игоря, плач матери Ростислава. Плачи же имеет в виду автор «Слова» тогда, когда говорит о стонах Киева и Чернигова и всей Русской земли после похода Игоря. Дважды приводит автор «Слова» и самые плачи: плач Ярославны и плач русских жен. Многократно он отвлекается от повествования, прибегая к лирическим восклицаниям, столь характерным для плачей: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!»; «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!»; «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»; «А Игорева храбраго плъку не кресити!».

Близко к плачам и «золотое слово» Святослава, если принимать за «золотое слово» только тот текст «Слова», который заключается упоминанием Владимира Глебовича: «Туга и тоска сыну Глебову». «Золотое слово» «съ слезами смешано», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна, к отсутствующим — к Игорю и Всеволоду Святославицам. Автор «Слова» как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к плачам лирическими отступлениями: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!»

Близость «Слова» к плачам особенно сильна в так называемом плаче Ярославны. Автор «Слова» как бы «цитирует» плач Ярославны — приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать.

Плач русских жен по воинам Игоря автор «Слова» передает не только как лирическое излияние, но старается воспроизвести перед воображением читателя и сопровождающее его языческое действие: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ».

Не менее активно, чем плачи, участвуют в «Слове» стоящие в нем на противоположном конце сложной шкалы поэтических настроений песенные славы. С упоминания о славах, которые пел Боян, «Слово» начинается. Славой Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине «Слово» заключается. Ее поют Святославу немцы и венецианцы, греки и моравы. Слава звенит в Киеве, ее поют девицы на Дунае. Она вьется через море, пробегает пространство от Дуная до Киева. Отдельные отрывки из слав как бы звучат в «Слове»: и там, где автор его говорит о Бояне, и там, где он слагает примерную песнь в честь похода Игоря, и в конце «Слова», где он провозглашает здравицу князьям и дружине. Слова славы то тут, то там слышатся в обращениях автора «Слова» к русским князьям, в диалоге Игоря с Донцом («Княже Игорю, не мало ти величия...»; «О Донче! не мало ти величия...»). Наконец, они прямо приводятся в его заключительной части: «Солнце свѣтитя на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли».

Итак, «Слово» очень близко к народным плачам и славам (песенным прославлениям). И плачи и славы часто упоминаются в летописях XII—XIII веков. «Слово» близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не плач и не слава. Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии.

Было ли «Слово» единственным произведением, столь близким к народной поэзии, в частности к двум ее видам: к плачам и славам? Этот вопрос очень существен для решения вопроса о том, противоречит ли «Слово» своей эпохе по своему стилю и жанровым особенностям.

От времени, предшествующего «Слову», до нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало «Слово» по своей близости народной поэзии. Мы можем найти отдельные аналогии «Слову» в деталях, но не в целом. Только после «Слова» мы найдем в древней русской литературе несколько произведений, в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским характером, которые позволяют объединить их со «Словом» по жанровым признакам.

Мы имеем в виду следующие три произведения: «Похвалу Роману Мстиславичу Галицкому», читающуюся в Ипатьевской летописи под 1201 годом, «Слово о погибели Русской земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе повестей о Николе Зараском. Все эти три произведения обращены к прошлому,

что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Каждое из них соединяет книжное начало с духом народной поэзии плачей и слав. Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

«Похвала Роману Мстиславичу» — это прославление его и плач по нем. Это одновременно плач по бывшему могуществу Русской земли и слава ей. В текст этой «жалости и похвалы» введен краткий рассказ о траве евшан и половецком хане Отроке. Она посвящена Роману и одновременно Владимиру Мономаху. Ощущение жанровой близости «Слова о полку Игореве» и «Похвалы Роману Мстиславичу» было настолько велико, что оно позволяло даже некоторым исследователям видеть в «Похвале Роману» отрывок, отделившийся от «Слова». Но «Похвала» и «Слово» имеют и существенные различия. Эти различия не жанрового характера. Они касаются лишь самой авторской манеры. Так, например, автор «Похвалы Роману» сравнивает его со львом и с крокодилом («Устремил бо ся бяше на поганья, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур»). Автор «Слова о полку Игореве» постоянно прибегает к образам животного мира, но никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и неясных для читателя.

«Слово о погибели Русской земли» — также «плач и слава», «жалость и похвала». Оно полно патриотического и одновременно поэтического раздумья над былой славой и могуществом Русской земли. В сущности, и в «Похвале Роману» тема бывшего могущества Русской земли — центральная. Здесь, в «Слове о погибели», эта тема не заслонена никакой другой. Как и «Похвала Роману», она насыщена воздухом широких просторов родины. В «Похвале Роману» — это описание широких границ Русской земли, подвластной Мономаху. Здесь, в «Слове о погибели», — это также еще более детальное описание границ Руси, подчиненной тому же Мономаху. «Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немець, от немець до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоимицы погани, и за Дышючим морем, от моря до болгар, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до морьдвн, то все покорено было богом християньскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрю, князю кыевьскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половьцы дети своя полошаху в колыбели, а литва из болота на

свет не вышкываху, а угры твердяху каменны горы железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не възехал, а немци радовахуся, далече будуче за синим морем».

Не только поэтическая манера сливать похвалу и плач, не только характер темы сближают «Похвалу Роману» со «Словом о погибели», но и само политическое мировоззрение, одинаковая оценка прошлого Русской земли. В «Слове о погибели» нет только того элемента рассказа, который есть в «Похвале Роману» и который сближает ее со «Словом о полку Игореве»¹.

Наконец, тем же грустным воспоминанием о былом могуществе родины, тою же «похвалою и жалостью» овеяно и третье произведение этого вида — «Похвала роду рязанских князей». Эта последняя восхваляет славные качества рода рязанских князей, их княжеские добродетели, но за этой похвалой старым рязанским князьям ощутимо стоит образ былого могущества Русской земли. О Русской земле, о ее чести и могуществе думает автор «Похвалы», когда говорит о том, что рязанские князья были «к приезжим приветливы», «к посолником величавы», «ратным во бранях страшныи являшеся, многие враги востаючи на них побежаше, и во всех страпах славно имя имяше». В этих и во многих других местах «Похвалы» рязанские князья рассматриваются как представители Русской земли. И именно ее чести, славе, силе и независимости и воздает похвалу автор. Настроение скорби о былой независимости родины пронизывает собою всю «Похвалу роду рязанских князей». Таким образом, и здесь мы вновь встречаем то же сочетание славы и плача, которое мы отметили в «Слове о полку Игореве». Это четвертое (включая и «Слово о полку Игореве») сочетание плача и славы окончательно убеждает нас в том, что оно отнюдь не случайно и в «Слове о полку Игореве». Ведь и «Задонщина» в конце XIV века подхватила в «Слове» то же сочетание «похвалы и жалости», создав и самое это выражение «похвала и жалость», которым мы пользовались выше.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании плача и славы. Оно во всяком случае имеет своих преемников, если не предшественников. И вместе с тем на фоне «Похвалы Роману», «Похвалы роду рязанских князей» и «Слова о по-

¹ Близость «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели» была отмечена во многих работах. Обстоятельнее всего вопрос о принадлежности обоих произведений к «одной поэтической школе» освещен в работе А. В. Соловьева «New traces of the Igor tale in old Russian literature» (Harvard slavic studies, v. I, Cambridge Mass., 1953).

гибели Русской земли» «Слово о полку Игореве» глубоко оригинально. Оно выделяется среди них силой своего художественного воздействия. Оно шире по кругу охватываемых событий. В еще большей мере, чем остальные произведения, оно сочетает в своей стилистической системе книжные элементы с народными. Но факт тот, что «Слово» не абсолютно одиноко в русской литературе XII—XIII веков, что в нем могут быть определены черты жанровой и стилистической близости с тремя произведениями XIII века, каждое из которых стало известно в науке после открытия и опубликования «Слова о полку Игореве».

7

Небольшой памятник, посвященный горестному поражению русских в походе против половцев 1185 года, оказался одной из самых больших и радостных побед русского слова.

«Слово» не было забыто. Когда в 1307 году скромный писец Пантелеймонова монастыря в Пскове переписывал «Апостол» и захотел в приписке выразить свое возмущение усобицами князей, своих современников — Михаила Тверского и Георгия Даниловича Московского, — он сделал это словами «Слова о полку Игореве»: «При сихъ князехъ. . . сѣяшется и ростяше усобицами, гнише жизнь наша, в князѣхъ которы и вѣци скоротишася челоукомъ!» Впечатления от Куликовской битвы выразил нерей Сафоний в произведении, подражающем «Слову», — «Задонщине». Отдельные образы и выражения «Слова» отразились и в «Сказании о Мамаевом побоище».

«Слово» дошло до нас в единственном списке XVI века, найденном в начале 90-х годов XVIII века. С него была снята дошедшая до нас копия для Екатерины II. В 1800 году этот список был издан его владельцем — А. И. Мусиным-Пушкиным. В 1812 году этот единственный список сгорел вместе со всеми другими ценнейшими рукописями собрания А. И. Мусина-Пушкина в большом московском пожаре.

Показательна судьба изучения «Слова о полку Игореве». Первые издатели «Слова» и современники его открытия ощутили в нем дыхание гениальности. «Слово» сразу же вошло в русскую поэзию и в русскую прозу. Ему подражали, ему следовали, цитаты из него инкрустировали в свои произведения, как инкрустируют нечто очень драгоценное. «Слово» отразилось у Радищева, Державина, Жуковского, а впоследствии и у Пушкина, и у Гоголя.

Однако, и это очень важно, в конце XVIII и в самом начале XIX века «Слово» все-таки не было понято. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть его перевод, напечатанный в первом издании «Слова». В этом издании принимали участие лучшие ученые своего времени! И все ж таки... В своем исследовании «Екатерининский список и первое издание „Слова“» А. В. Соловьев приводит 55 частных случаев непонимания переводчиками абсолютно ясных для нас сейчас мест «Слова». Они не понимали иной раз простые глагольные формы, не знали форм двойственного числа, не знали правил русского полногласия, не понимали таких слов как «шеломья», «боронь», «лада», «кметь». Они не могли правильно определить многих упомянутых в «Слове» князей. Первые комментаторы не сумели сказать, о каком «сыне Глебовом» идет речь в «Слове», «Великого князя Всеволода» Суздальского (Юрьевича — сына Юрия Долгорукого) первые комментаторы отождествили с Всеволодом Ольговичем — отцом Святослава Киевского. Не сумели первые комментаторы определить и того, кто такие «удалые сыны Глебовы». Не определили они и Романа и Мстислава, Ингваря, Всеволода и «всех трех Мстиславичей», Изяслава Васильковича. Совсем запутались они в вопросе о том, кто такой был Борис Вячеславич. Они превратили бога Хорса, известного сейчас по многим источникам, в город Херсон, перевели «до кур» (то есть «до петухов» — рано утром) — «до Курска». Особо нелепо передано и переведено место: «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы; нѣ розьно ся имъ хоботы нашуть» (то есть: «но врозь развеваются полотнища их знамен»). «Нѣ розьно ся» разбито на слова так: «нѣ рози нося», а перевод в первом издании дан такой: «Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давыду; их носят на рогах, вспахивая землю»!

Лучшие ученые своего времени не только не понимали смысла отдельных мест «Слова», — они не понимали его художественной структуры, они оставались совершенно равнодушными к его идейному содержанию и, как это ни странно, решительно не замечали родства «Слова» и народной поэзии. Впрочем, что ж тут удивительного! Спустя тридцать четыре года после опубликования «Слова» Пушкин писал об отношении русского общества к народной поэзии: «В общем презрении ко всему старому, народному, включена и народная поэзия, столь живо проявившаяся в грустных песнях, в сказках... и в летописях» (Пушк. собр. соч. в 10-ти томах, т. 7, изд. 2, М., АН СССР, 1958, с. 642 — ранние наброски к статье «О ничтожестве литературы русской»).

«Слово» писалось для современников, которые могли понять его автора с полуслова, а потому многое в нем требует сейчас разъяснений. Изучение «Слова» подвигалось вместе с изучением всей культуры Киевской Руси. Когда-то в статье «О шчтожестве литературы русской» Пушкин называл «Слово» «уединенным памятником» (там же, стр. 307). Теперь уже этого сказать нельзя. Его младшим современником выступает опубликованное в 1892 году близкое ему по жанру «Слово о погибели Русской земли». В 1852 году открыт неизвестный Пушкину отдаленный «потомок» «Слова о полку Игореве» — «Задонщина». Рядом со «Словом» мы знаем теперь замечательные иконы XII века, фрески, мозаики. Со стендов Третьяковской галереи смотрит на нас выразительное изображение известного всем по «Слову» Всеволода Большое Гнездо — в образе Дмитрия Солунского (святого патрона этого князя). Отраженный в водах реки Нерли, стоит, как бы упоенный собственной красотой, храм Покрова 1165 года, а во Владимире на горе возвышается красивейший Дмитровский собор 1193 года.

Но «Слово о полку Игореве» оказалось не только окруженным тесным строем памятников искусства, литературы, общественной мысли, — оно было охвачено исследованиями XIX века и особенно нашего времени — исследованиями исторических событий того времени, литературы и, что очень важно, языка. Современники открытия «Слова» не различали древнерусский язык и церковно-славянский, не имели представлений об изменениях языка, лексики. Они думали, что современный им церковно-славянский язык не отличается от языка, на котором писали в XII веке. Именно поэтому они не понимали многого в тексте «Слова». Даже в конце XIX века, когда составлялся знаменитый Словарь древнерусского языка И. И. Срезневского, можно было еще думать, что в «Слове о полку Игореве» более 150 гапаксов, то есть слов, которые не могут быть найдены в других памятниках того же времени. Сейчас это количество сокращено до двух десятков. Мы можем сказать, что в «Слове» не больше гапаксов, чем в «Поучении» Владимира Мономаха, несмотря на все своеобразие содержания «Слова», естественно отражающееся на своеобразии его словаря. Отдельные фразеологические сочетания найдены в памятниках, в конце XVIII века еще неизвестных. Особенно много этих фразеологических параллелей к «Слову» в древнерусском переводе «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, в Хрониках Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Манассии, в «Слове о погибели Русской земли», в Ипатьевской летописи (особенно в рассказе о событиях конца XII и XIII веков).

Исследователи «Слова» сумели разъяснить намеки, связать отдельные места текста с историческими событиями, с характерными чертами русской природы, особенно степной. Но самое важное — исследователи объяснили художественную структуру произведения, строй его художественных средств и образов. Они показали удивительную многозначность его метафор, их способность вызывать стройный хор различных эстетических ассоциаций.

Напрасно думают, что художественное произведение может раскрыться читателю в одно мгновение — в мгновение его чтения, что для художественного познания старого произведения излишни комментарии и исследования. Акт восприятия художественного произведения — это целый процесс, иногда развивающийся по этапам. Надо не только многократно читать «Слово», но и изучать его. И вот замечательно, что эта удивительная художественная глубина «Слова» создала ему исследователей среди читателей. Ни одно произведение русской литературы не знает такого количества непрофессиональных исследователей, как «Слово о полку Игореве». О «Слове» пишут живописцы, актеры, педагоги, писатели, зоологи, инженеры. И их работы внесли очень много ценного. Наука о «Слове» стала народной. Она давно ведется «на общественных началах». Чем больше мы изучаем «Слово», тем большим оно нам представляется, тем больше мы познаем отраженный в нем мир русской действительности XII века.

Один из исследователей древнерусских миниатюр назвал их «окнами в исчезнувший мир». «Слово о полку Игореве» — это тоже окно, через которое исследователь видит большой мир древней Руси. Несмотря на свои небольшие размеры, «Слово» — памятник необычайной художественной емкости. Чем пристальнее мы в него вглядываемся, тем больше мы в нем открываем.

«Слово» — это мир большого и сложного искусства, — искусства, тесно связанного с нуждами и волнениями своего времени, а потому и вечного.

Д. С. Лихачев